

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.411.21

Творчество представителей первого поколения новеллистов ОАЭ (1970–1990-е годы). Часть 1*М. Н. Суворов*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Суворов М. Н. Творчество представителей первого поколения новеллистов ОАЭ (1970–1990-е годы). Часть 1 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 2. С. 230–245. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2018.207>

Объединенные Арабские Эмираты относятся к числу тех арабских стран, в которых собственная литература современного типа, пришедшая на смену средневековому арабскому *адабу*, появилась довольно поздно — лишь в 70-е годы XX в. Тем не менее уже среди самых ранних эмиратских рассказов, подавляющее большинство которых базировалось на художественных принципах нравоучительного сентиментализма и романтизма, встречались рассказы, представляющие собой образцы зрелого реализма (в творчестве Мухаммеда аль-Мурра) и даже модернизма (в творчестве Абдаллаха аль-Мирири). В 1980-е годы при устойчивом развитии в эмиратской литературе реалистического направления многие новеллисты обращаются и к эстетике модернизма, отказываясь в своих рассказах от изображения объективной реальности, выраженной сюжетности и сосредоточиваясь на «внутренних» состояниях сознания, в котором объективная реальность получает причудливое, субъективное преломление. При этом некоторые авторы (Мирйам Джум'а Фарадж, Су'ад аль-Арими, Хареб аз-Захери, Сальма Матар Сейф) используют усложненный язык повествования, насыщенный собственными арабской поэзии сравнениями и метафорами, витиеватыми лексико-синтаксическими конструкциями, воспроизводя, таким образом, специфический стиль, получивший у арабистов-литературоведов название «поэтический модернизм». Также в некоторых эмиратских рассказах этого периода можно наблюдать черты магического реализма (в творчестве Абд аль-Хамида Ахмеда Абд аль-Хамида и Сальмы Матар Сейф), эстетики абсурда (в творчестве Забийи Хамис) и постмодернистской пародии (в творчестве Сальмы Матар Сейф). Тематика произведений эмиратских новеллистов охватывает как реалии и проблемы эмиратского общества, так и общечеловеческие, философские проблемы (в частности, в творчестве Басемы Йунис и Джум'а аль-Фейруз). Некоторые ключевые темы, такие как трудовая иммиграция из-за рубежа

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

и ностальгия по уходящему в прошлое традиционному жизненному укладу, роднят эмиратскую новеллистику с литературами других арабских стран Персидского залива и одновременно придают ей своеобразие в контексте современной арабской литературы в целом.

Ключевые слова: Объединенные Арабские Эмираты, арабская литература, арабская проза.

Объединенные Арабские Эмираты относятся к числу тех арабских стран, в которых современная литература, т. е. литература западного типа, пришедшая на смену средневековому арабскому *адабу*, появилась довольно поздно. Лишь накануне обретения эмиратами Персидского залива государственности (1971) некоторые молодые эмиратцы, проходившие в то время обучение в вузах Египта, опубликовали в египетской прессе свои первые сочинения, типологически близкие к жанру рассказа. С начала 1970-х годов в ОАЭ формируется современная система среднего и высшего образования и развивается собственная пресса, что способствует расширению круга пишущей молодежи и создает базис для стабильного развития национальной публицистики и художественной прозы.

Будучи очень «молодой», литература ОАЭ привлекла внимание западных арабистов-литературоведов лишь в начале XXI в. Некоторые образцы современного эмиратского рассказа и романа были рассмотрены в статьях шведской исследовательницы Г. Рамсай [1–5]. Польская исследовательница Б. Михалак-Пикульска представила общий обзор развития поэзии и жанра рассказа в ОАЭ [6]. Она, впрочем, рассматривает далеко не все изданные в XX в. сборники рассказов и, несмотря на большое количество цитат, не всегда позволяет читателю составить ясное представление об особенностях авторского стиля того или иного писателя. Полный обзор развития эмиратского романа в XX в. представлен в двух статьях автора настоящих строк [7; 8]. Современной прозе ОАЭ был посвящен один из номеров журнала современной арабской литературы «Банипал», издаваемого в Великобритании. В номер вошли критические исследования, переводы рассказов и фрагментов романов [9]. Еще ранее рассказы некоторых эмиратских писателей были изданы в английском переводе [10–12].

Что касается арабских, и особенно эмиратских, критиков и литературоведов, то их интерес к современной прозе ОАЭ вылился в публикацию довольно большого числа монографических и коллективных исследований, посвященных этой прозе (в частности, о жанре рассказа см.: [13–16]), а также в издание библиографических справочников [17; 18]. Стоит сказать, что литературное творчество в ОАЭ имеет заметную поддержку со стороны государственных и общественных организаций: в 1984 г. был основан Союз писателей ОАЭ, с 1985 г. в среднем раз в четыре года проводится представительная писательская конференция, в 1990 г. была учреждена премия им. Ганима Губаша¹ за лучший рассказ года.

Настоящая статья призвана основательно дополнить, уточнить и детализировать те материалы, которые были представлены в работе Б. Михалак-Пикульской. Речь идет о творчестве тех эмиратских прозаиков, которые начали писать рассказы в 1970–1980-е годы и которых исследователь эмиратской художественной прозы

---

¹ Ганим Убейд Губаш (1946–1989) — известный эмиратский просветитель, общественный и культурный деятель.

Али Мухаммед Рашед называет «первым поколением» эмиратских новеллистов [17, р. 22]. Рассказы подавляющего большинства этих писателей вошли в коллективные сборники «Все мы любим море» (*Куллиона нухибб аль-бахр*, 1986) и «Песнь побережья, вой пустыни» (*Нашид ас-сахиль, сафир аль-бarr*, 2001), изданные Союзом писателей ОАЭ².

По мнению критика ар-Рашида Абу-Шу'айра, первым опубликованным в ОАЭ сочинением, полностью отвечающим критериям жанра рассказа, стал рассказ «Отъезд» (1970) Шейхи Мубарак ан-Нахи (р. 1952, Шарджа), профессионального филолога и педагога [15, р. 12]. Такое же название получил и первый сборник писательницы — «Отъезд» (*ар-Рахиль*, 1992), в который вошли рассказы, опубликованные в эмиратской прессе в 1970-е годы.

Основной темой большинства рассказов Шейхи ан-Нахи, наполненных крайне сентиментальными интонациями, стали девичьи надежды на счастье в личной жизни, за которыми следовало глубокое разочарование. Героиня рассказа «Отъезд» мечтает выйти замуж за соседского парня, который также в нее влюблен, но родители девушки не соглашаются на их брак, и молодой человек решает уехать. Героиня рассказа «Лучи иллюзии» влюблена в своего двоюродного брата, который, по мнению родственников, должен стать ее мужем, но молодой человек уезжает учиться за рубеж и там заводит семью. Героиня рассказа «И пришел тот день» ждет любимого из-за границы, и хотя люди говорят, что он там женился, полученное от него письмо вызывает в душе девушки радость надежды еще до прочтения письма. Героиня рассказа «Путь в никуда» в детстве страдает от притеснений мачехи, а затем отец с мачехой, стремясь поскорее от нее избавиться, отдают ее замуж за психически неуравновешенного старика, и страдания ее продолжают. В рассказе «Пальцы на проводах» мужчина, давно оставивший семью, слышит в трубке телефона голос своей повзрослевшей дочери — его охватывают нежные чувства, и он решает вернуться. Героиня рассказа «В осаде» давно страдает от безобразного поведения мужа, гуляки и пьяницы, но когда ей сообщают, что он в тяжелом состоянии попал в больницу, женщина кричит в отчаянии: «Нет! Не может быть! Мы же еще жить не начали!» [19, р. 48]

Рассказы, написанные Шейхой ан-Нахи в 1980-х — первой половине 1990-х годов, составили ее второй сборник — «Северные ветры» (*Рийах аш-шималь*, 1999). В них легко заметить изменение авторской манеры: на первое место теперь выходит изображение внутреннего состояния героев, их смятенных чувств, иногда поток сознания при невнятном или вообще непонятном сюжетном контексте. Повествование ведется особым, «поэтизированным» языком, отличающимся вычурными лексико-синтаксическими конструкциями. Вот, например, первые строки рассказа «Изломы души»:

«Она бросилась в объятия беспомощного мгновения. Ее нутро кричит, отвергая все безумные действия. Ее глаза прикованы к безмолвной стене, безостановочный бег в бесконечность, ее ноги соскальзывают на дно огненных ям; когда протянулась рука яростного урагана, она пустилась бежать в поисках избавления, а когда к ней приблизились лапы свирепого демона, чтобы вонзить свои грязные

---

² Здесь и далее названия сборников рассказов даются в русском переводе и транслитерации, названия отдельных рассказов — только в русском переводе.

когти в ее красивую белую шею, из ее души вырвался крик, растаявший в огромных стаях обрывков непроглядной ночи, ползущей под тяжестью скоплений действительности, погруженной в небытие» [20, р. 63].

В некоторых рассказах сборника, впрочем, сюжет и действие предстают в более отчетливом, реалистическом виде. Это, например, разговор заключенного с тюремщиком, ненавидящим свою работу (рассказ «У стен есть уши»), или день из жизни молодого эмиратца, вынужденного после смерти отца в одиночку добывать пропитание для семьи (рассказ «Тревоги»). Это заботы и страдания аденской семьи во время блокады города армией Северного Йемена в 1994 г. (рассказ «Северные ветры»).

По утверждению ар-Рашида Абу-Шу'айра, практически одновременно с Шейхой ан-Нахи рассказы начал писать Абдаллах Сакр аль-Мирри (р. 1952, Дубай), поэт и профессиональный футболист, чей сборник «Колода» (*аль-Хашаба*, 1975) стал первым сборником рассказов, опубликованным автором из ОАЭ [15, р. 12]. Его первое издание, впрочем, не дошло до читателя из-за цензурных препятствий; повторно он был издан лишь в 1999 г.

Для самого автора упомянутые цензурные препятствия не стали неожиданностью: по-видимому, он считал себя «литературным бунтарем», о чем свидетельствуют выбранные им для сборника эпиграфы. Все рассказы сборника написаны в духе эстетики «мрачного» модернизма, который к тому времени уже получил распространение в литературе некоторых арабских стран, в том числе аравийских (см., например: [21, с. 135–142; 22, с. 200–217]), но для зарождающейся новой прозы ОАЭ был еще эстетически чуждым. Короткие рассказы сборника представляют собой по большей части аллегорические, сюрреалистические и абсурдные картины, не поддающиеся однозначному истолкованию и создающие у читателя ощущение пессимизма, безысходности и отчуждения. Можно лишь предположить, что человек с портфелем книг, пытающийся влезть в переполненный автобус и в итоге гибнущий под его колесами на глазах у равнодушных пассажиров, олицетворяет собой судьбу арабской интеллигенции (рассказ «Воодушевление посреди волнений умирающего мира»). А сцена группового изнасилования женщины, изображенная с порнографическими подробностями, возможно, является аллегорией положения женщины в мусульманском обществе (рассказ «Сеанс»). Мысль о неприятии автором существующего традиционного положения вещей косвенно подтверждается тем, что в качестве «темной силы» в нескольких рассказах выступают некие «бородачи» — довольно распространенный в арабской литературе символ традиционализма.

Модернистские начинания аль-Мирри на этом, начальном, этапе развития эмиратской новеллы не вызвали массового подражания. Большинство начинающих писателей придерживались реалистического или сентиментально-романтического взгляда на окружающую действительность и очень редко прибегали к эстетике модернизма. К числу таких писателей относится Али Абд аль-Азиз аш-Шархан (р. 1950, Рас-эль-Хайма), профессиональный филолог, получивший образование в Великобритании и впоследствии занимавший высокие посты в системе высшего образования ОАЭ. Рассказы его единственного сборника «Страдание» (*аш-Шака'*, 1977) в идейно-художественном отношении довольно разнообразны: некоторые

написаны в романтической манере, другие — в реалистической, с оттенком сентиментальности, третьи — в духе модернизма. Примечательным стало использование писателем местного диалекта, особенно в диалогах и внутренних монологах, явно с целью придания повествованию особого национального колорита. Преобладающая тема рассказов, о чем свидетельствует и название самого сборника, — человеческое страдание, обусловленное либо суровыми условиями жизни эмиратцев в донефтяную эпоху, либо проблемами, связанными с переходом к новому образу жизни в эпоху нефти. Тяжелой жизни моряков, рыбаков, ныряльщиков за жемчугом и сельскохозяйственных батраков в донефтяную эпоху посвящены рассказы «До свидания, мои любимые!», «Бездонная яма», «Страдание», «Посмертные радости», «Абу-Аббуд». Эти рассказы позволяют предположить, что Али Абд аль-Азиз аш-Шархан был знаком с идеями классовой эксплуатации, которые к тому времени давно уже получили распространение в Египте, где эти рассказы и были написаны. Рассказ «Слезы на тротуаре» посвящен, возможно, впервые в национальной прозе, проблеме трудовых иммигрантов, чьи надежды на улучшение своего материального положения в ОАЭ часто терпят крах. Рассказы «Трагедия мечты и реальности» и «Думы об упущенном времени», написанные в духе модернистской эстетики, передают ощущение одиночества, отчуждения и безысходности, порожденное, возможно, сложностями адаптации человека к меняющимся условиям жизни в ОАЭ. Героико-романтический рассказ «Влюбленный в старую стену» повествует о подвиге простого рыбака, отомстившего английским морякам за гибель своей семьи и разрушение родного селения. Действие в рассказе происходит, очевидно, в первой четверти XIX в., когда британский флот проводил военные кампании против «пиратов» Персидского залива.

Жизни эмиратцев до и после начала нефтяной эпохи посвятил свои рассказы Абд ар-Рида Хасан ас-Саджвани (р. 1957, Шарджа), также филолог по образованию и сотрудник Министерства образования ОАЭ. До начала 2000-х годов он опубликовал три сборника: «Те времена» (*Залика-з-заман*, 1978), «Девичья оплошность» (*Заллят аль-'азара*, 1981) и «Отказ» (*ар-Рафд*, 1992). Темой рассказов первого сборника, очень небольших по объему, стала жизнь Эмиратов в донефтяную эпоху, о чем сам автор говорит в посвящении: «Всем новым поколениям, желающим узнать о прошлом, в котором жили их предки, о прошлом, которое было трудным и горестным, славным и героическим. И всем тем, кто жил в этом прошлом, справляясь с его трудностями. Всем, кто страдал и был несчастен в те времена» [23, р. 4]. В чрезвычайно сентиментальной манере, призванной пробудить у читателя чувство крайнего сострадания, автор рисует примитивный хозяйственный уклад «старых» Эмиратов, в условиях которого смерть человека от болезней, голода и увечий была обычным явлением. Особенно опасной была работа ныряльщиков, добывавших жемчуг: герою рассказа «Слезы прошлого» акула откусила ногу, то же самое произошло с мужем героини рассказа «Растаявшая надежда», а в рассказе «Морской закон» заболевшего на судне ныряльщика капитан велел выбросить за борт, чтобы тот не заразил остальных членов команды. Страданиям людей в условиях отсутствия источников питьевой воды посвящен рассказ «Жажда и зной», а в рассказах «В давние времена» и «Колодец, населенный духами» писатель повествует о поверьях и предрассудках тех времен.

Большая часть рассказов сборника, как это видно даже по их названиям, посвящена вопросам морали и нравственности. Эти рассказы — яркое проявление просветительского мышления автора, свойственного, например, египетским и сиро-ливанским писателям последней трети XIX в. и йеменским новеллистам 1940-х годов (см., например: [22, с. 50–55]). Подобно своим предшественникам, ас-Саджвани прославляет трудолюбие и деловую предприимчивость («И пришло благо», «И зажглись свечи»), сострадание и отзывчивость («Доброе сердце», «Плоды благодеяния»), критикует человеческую жестокость («Стоны притесняемого»), алчность («Справедливое воздаяние»), высокомерие («Слеза раскаяния»), легкомыслие («Красота и ангельские черты»), заключение брака на основе расчета, а не любви («Пепел сердца», «Сон успокоения») и т. п.

В двух последующих сборниках писателя заметно изменение его авторского стиля: повествование становится многословным, насыщенным сравнениями и метафорами, причудливыми лексико-синтаксическими конструкциями, что делает текст некоторых рассказов крайне сложным для восприятия. В идейном же отношении рассказы двух сборников представляют собой уже не горестное изображение жизни эмиратцев в донефтяную эпоху, а, напротив, ностальгическое воспевание уходящих в прошлое ценностей и традиций: прочности семейно-родственных уз, ценности сельскохозяйственной земли и финиковой пальмы, романтики морских промыслов. Герой рассказа «Руины», старый капитан, помещенный детьми в дом престарелых и там забытый, скрашивает свои последние дни воспоминаниями о былых морских походах. Героиня рассказа «Мать пальм» — старая женщина, продавшая после смерти мужа свою землю с плантацией финиковых пальм, уходу за которыми она посвятила всю свою жизнь. Когда покупатель земли, иностранец, вырубил пальмы, женщину от горя хватил удар. Теперь она лежит парализованная, а ухаживающие за ней соседки с сочувствием обсуждают ее жизнь и то, что с ней в итоге произошло.

Изменение образа жизни эмиратцев в новую эпоху предстает в этих рассказах, как правило, в негативном свете. Герой рассказа «Застой», торговец на рыбном рынке, уже много дней не может ничего продать: люди стали отвыкать от свежей рыбы и переходить на импортные консервы. Упадок рынка связан и с тем, что в воды Персидского залива из-за добычи нефти то и дело попадают ядовитые вещества и люди просто опасаются употреблять в пищу рыбу, выловленную в этих водах. Старику из рассказа «Ожидание» правительство ОАЭ выделило новый дом — взамен старого, подлежащего сносу согласно плану городской реконструкции. Однако бывший сосед и приятель старика своевольно заселился в этот новый дом и с помощью взятки оформил владение домом на свое имя. Тщетно старик в поисках справедливости обращался к властям и апеллировал к общественному мнению: в условиях разрушения сельской общины и бюрократизации органов власти никто так и не смог ему помочь. Герой рассказа «Мечта» (*Dream*), не сумевший успешно закончить учебу в США, вернулся на родину с женой-американкой. Жена не смогла смириться с бедностью мужа в ОАЭ и решила вернуться в Америку. По дороге в аэропорт, куда он везет жену, герой вспоминает о своем детстве, тяжелой жизни его родителей-земледельцев, своей учебе в США и последующих своих мытарствах в ОАЭ. Молодой эмиратец из рассказа «Глупость» совершает постоянные поездки за рубеж. Родителям он говорит, что ездит на заработки в Кувейт, а в действитель-

ности занимается контрабандой наркотиков из Бангкока. О преступном ремесле сына родители узнают, только когда полиция сообщает им о его смерти.

Широкую картину жизни современных Эмиратов представил в своих рассказах Мухаммед Ахмед аль-Мурр (р. 1954, Дубай) — самый продуктивный эмиратский новеллист XX в. Получив образование в США, во второй половине 1970-х годов он начал работать в эмиратской прессе и к началу 1990-х годов опубликовал одиннадцать сборников рассказов: «Любовь иного рода» (*Хубб мин нау' ахар*, 1978), «Последний шанс» (*аль-Фурса аль-ахира*, 1981), «Дружба» (*Садака*, 1981), «Немного сочувствия» (*Шай' мин аль-ханан*, 1985), «Неожиданность» (*аль-Муфаджа'а*, 1985), «Жасмин» (*Йасмин*, 1986), «Судьба» (*Насиб*, 1986), «Хаббуба» (1986), «Место в сердце» (*Макан фи-ль-кальб*, 1988), «Зеница ока» (*Куррат аль-'айн*, 1988), «Нежный голос» (*ас-Саут ан-на'им*, 1989). В 1992 г. эти сборники были опубликованы вместе в виде трехтомного собрания сочинений писателя (всего 145 рассказов).

Мухаммед аль-Мурр по праву заслужил репутацию бытописателя современного Дубая: подавляющее большинство его сюжетов — это житейские истории, основанные, как можно предположить, на различных эпизодах судебных реальных дубайцев. Хотя далеко не все из этих сюжетов поднимаются до уровня широкого обобщения (описываемые ситуации и характеры часто очень индивидуальны, необычны, парадоксальны), в своей совокупности они составляют широкую панораму общественной и частной жизни среднего класса современных арабов-дубайцев. Авторский стиль аль-Мурра отличается чрезвычайной простотой и ясностью, ему в равной степени чужды как языковые «украшательства», характерные для арабской прозы в целом, так и модернистские эксперименты со структурой повествования и образностью. Присущая писателю наблюдательность особенно ярко проявляется в очень достоверном изображении им различных жизненных ситуаций, легко узнаваемых читателем. Диалоги в его рассказах всегда живые и естественные, точно соответствующие моменту. Реалистический образ современного Дубая формируется писателем, помимо всего прочего, и благодаря достоверному изображению многочисленных местных историко-культурных и топографических реалий.

Несомненно, наибольшей художественной ценностью обладают именно те рассказы аль-Мурра, которые в сатирическом ключе показывают типичные для современного дубайского общества социокультурные проблемы. Особенно это касается сюжетов, связанных с архаичной семейно-брачной традицией, женитьбой не по любви, а по родительскому выбору, основанному на мнении о семье невесты.

Герой рассказа «Судьба», молодой, уверенный в себе офицер, решает жениться и поручает выбор невесты матери и ее сестрам. Женщины составляют списки кандидаток в невесты, анализируют происхождение, нравы и достаток их семей, исполняют роль свах, но раз за разом получают отказ от родителей намеченной кандидатки. Уже отчаявшись и потеряв веру в себя, офицер случайно знакомится с девушкой, о семье которой ему ничего не известно, и вскоре они, счастливые, заключают семейный союз.

Герой рассказа «Как женился Хамад аль-Гави», напротив, и не помышляет о женитьбе. Однако его мать, которую гнетет холостяцкое положение сына, улучшает момент, когда сын находится в полубессознательном состоянии, получает от него согласие на брак и сватает для него дочь соседней. Молодому человеку приходится

жениться — в противном случае его семье не удалось бы избежать скандала и бесчестья.

В рассказе «Жасмин» молодой человек безумно влюбляется в случайно встреченную им на рынке девушку, которая открыто ему улыбнулась, нарушив тем самым нормы мусульманского этикета. Он начинает многодневную слежку за ней и сопровождающей ее матерью, в ходе которой девушка продолжает дарить ему улыбки. Наконец, он выясняет, где женщины живут, и отправляет в их дом родственниц-свах. Родственницы приносят ему обескураживающую весть: оказывается, его избранница слабоумна. Подобные неожиданные концовки в духе О. Генри, как правило, трагикомического характера, вообще очень характерны для рассказов аль-Мурра.

Некоторые рассказы аль-Мурра посвящены жизни эмиратских студентов в США, которую писатель знает не понаслышке. В этих рассказах представляет интерес описание опыта приобщения эмиратцев к культуре Запада, не лишённого комических моментов. Писатель демонстрирует прекрасное знание западной культуры, включая поп-культуру, и менталитета западного человека. Последнее особенно ярко проявляется в рассказе «Письма английской жены»: устами англичанки, проживающей с мужем-эмиратцем в Дубае, аль-Мурр излагает впечатления западного человека от арабского общества, которые для писателя-араба необыкновенно точны. Вот некоторые пассажи из рассказа, передающие этот внешний взгляд на арабское общество:

«Арабы расточительны даже в своих чувствах. Если они любят, то это страстная, безмерная любовь, а если ненавидят, то это лютая ненависть. При этом странно, что их сильная любовь может быстро превратиться в сильнейшую ненависть, а эта ненависть может вдруг превратиться в сильнейшую симпатию» [23, р. 256].

«Вчера я ходила вместе с сестрой Ахмеда Фатимой на свадьбу одной ее подруги. Свадьба была роскошная. Фатима сказала мне, что семья невесты богатая, ее отец — дилер японских производителей в Дубае, а невеста уже приблизилась к возрасту старой девы — двадцати восьми годам (представь, женщина в таком возрасте у нас считается молодой, а здесь это женщина в годах). Фатима сказала, что отец невесты навязал ее жениху, своему племяннику, который моложе девушки на год, сделав его директором одного из своих предприятий. Не удивляйся подобным разговорам: арабские женщины (да и мужчины тоже) обожают обсуждать слухи. На женщинах, которые пришли на свадьбу, была невероятная, просто жуткая масса драгоценностей — ожерелья, браслеты, перстни и прочие ювелирные изделия всевозможных видов и размеров. Балом правили бриллианты, но было также много рубинов, сапфиров, изумрудов и бирюзы. На этой свадьбе было столько драгоценностей, что их хватило бы, чтобы заполнить несколько лондонских ювелирных магазинов» [24, р. 253–254].

«Смотреть телевизор здесь скучно. Канал на английском начинает вещать после пяти часов вечера. Показывают культурные программы и старые английские сериалы, а новости очень скучные. Иногда я смотрю некоторые арабские сериалы и телепостановки. Актеры в них говорят очень громко, будто разговаривают с глухими. Это мелодраматические истории о любви и жертвенности, большинство из которых совершенно неубедительны даже для зрителей-арабов, как сказала мне Фатима. Но все арабы, особенно женщины, их обожают: в них много слез,

а арабы любят слезы, и даже не особенно грустные, не особенно чувствительные сцены заставляют их плакать. Но странно то, что сейчас же после приступа рыданий можно видеть, как человек уже смеется и радуется, будто он только что не плакал. Причем так ведут себя не только дети, но и взрослые» [24, р. 255].

«Арабки накладывают очень много туши на ресницы, красят губы очень яркими цветами и ужасно сильно пудрятя. Многие просто штукатурятся белой пудрой, чтобы скрыть свою смуглость (в арабских представлениях о красоте белой коже отдается предпочтение). Кроме того, они используют различные виды густой сурьмы для подкрашивания глаз, хотя у них и так красивые большие черные глаза, которым сурьма вообще не нужна. Еще они обрызгивают тело и одежду одновременно несколькими духами, причем не ограничиваются парфюмом западного производства (французские духи в Дубае дешевле, чем в Лондоне, но могут оказаться поддельными), а добавляют к нему различные виды косметических порошков и масляных индийских или каких-то других восточных духов с сильным запахом. Смесь этих странных и очень разных ароматов буквально превращает женщину в ходячий парфюмерный магазин» [24, р. 256].

Интересно также отметить, что писатель явно толерантно относится к запрещенным исламом употреблению спиртных напитков и внебрачным связям, которые, судя по его сюжетам, являются характерной чертой жизни эмиратцев среднего класса.

В некоторых рассказах аль-Мурр затрагивает и тему трудовой иммиграции в ОАЭ. Участь азиатских иммигрантов в этих рассказах по большей части невидна. Так, героя рассказа «Объявление в газете», пакистанского иммигранта, решившего отказаться от работы на эмиратскую наркомафию, безжалостно убивают, заведомо зная, что убийство не будет раскрыто, поскольку личность убитого никого не интересует. Другой пакистанец в рассказе «Под вентилятором» совершает самоубийство, когда его эмиратские «хозяева», на которых он работает уже долгие годы, не подумав, отказывают ему в ссуде, необходимой для женитьбы на любимой девушке. Писатель, впрочем, не обвиняет обычных эмиратских работодателей в жестокости, он просто показывает, что азиатские иммигранты в ОАЭ являются людьми «второго сорта», которых мало кто воспринимает всерьез.

Рассказы Мухаммеда аль-Мурра можно назвать настоящим пособием для знакомства с современной жизнью ОАЭ. Возможно, именно поэтому они привлекли внимание иностранцев: две книги этих рассказов были изданы в английском переводе [10; 11].

Яркий образ современных Эмиратов со всеми их социально-экономическими и культурными проблемами предстал в творчестве Ахмеда Абд аль-Хамида (р. 1957, Дубай), объединившем в себе черты разных художественных направлений, разных повествовательных стилей и удостоившемся большого внимания со стороны литературных критиков. Уже в рассказах первого сборника писателя «Плавание в глазах беснующегося залива» (*ас-Сibaха фи 'айнай халидж йатаваххаи*, 1982) можно видеть преобладание двух взаимосвязанных в творчестве писателя тем: изображение внутреннего мира сломленного жизнью человека, не сумевшего «вписаться» в новую для Эмиратов систему общественно-экономических отношений, и критику социального неравенства в ОАЭ.

Мотивы ностальгии по уходящей в прошлое «бесхитростной» жизни и неприятия потребительских ценностей нефтяной эпохи звучат в первом рассказе сборника «Сказала пальма морю», сочетающем в себе черты романтизма и магического реализма. В духе фольклорного повествования одинокая пальма рассказывает морю историю отношений и гибели двух влюбленных: простого рыбака и жены капитана. От этой любви появился на свет мальчик Саид, который и является в рассказе героем-повествователем. Житель современного многонационального мегаполиса, он вспоминает рассказы своей бабушки о страхе пальмы перед нефтью и о том, как пальма в итоге погибла. Герой следующего рассказа, «Жажда пальм», бедный служащий, ненавидящий богатых дельцов и собственную незавидную долю, едва не становится убийцей, когда в гневе душил иностранца, сбившего на своем роскошном автомобиле маленькую арабскую девочку. Герой рассказа «Аль Магдуб по дешевке», говорящий о себе во втором лице, — инженер-нефтяник, выпускник британского вуза, который за несколько лет поисков достойной работы в ОАЭ так и не смог ее найти, из-за чего потерял любимую женщину, лишился надежды на будущее и в конце концов превратился в алкоголика. Герой рассказа «Рыба» старый Рашдан, бывший рыбак, не сумевший приспособиться к условиям нефтяной эпохи, работает продавцом на рыбном рынке. Однажды у его прилавка останавливается покупатель — его бывший товарищ по рыбному промыслу, ставший теперь нуворишем. Товарищ предлагает Рашдану более выгодную работу сторожа на своем земельном участке, но Рашдан отвергает предложение из чувства гордости: этот участок когда-то принадлежал ему самому и был продан им в годы нужды.

В рассказе «Отблеск света» двое мальчиков из бедных семей роются в мусорных баках поблизости от современных домов-небоскребов в поисках чего-нибудь, на их взгляд, полезного. Один из них находит испачканные фекалиями трусы и радуется тому, что, постирав трусы в море, он получит наконец «обновку», которую ему давно уже обещал отец.

Герой рассказа «Запах жажды», мучимый хандрой состоятельный молодой человек, случайно попадает в старый квартал Дубая, населенный азиатскими иммигрантами. Там он оказывается в постели проститутки, занимающейся этим порочным ремеслом для того, чтобы не умереть от голода. Жуткое впечатление от нищеты и грязи — физической и духовной — заставляет молодого человека по-новому взглянуть на естественные и привычные человеческие радости, которые ранее вызывали у него скуку.

В рассказе «Мужчина из Бенгаша» пакистанский трудовой иммигрант наблюдает за двумя загорающими на пляже европейками и с горечью размышляет о десяти годах, проведенных им в ОАЭ, в течение которых он был лишен женского внимания, тепла и любви. Вынужденные связи с проститутками из иммигрантских трущоб не смогли скрасить его жизнь и лишь порождают в нем муки совести, оттого что он нарушил наказы отца, благочестивого, уважаемого в его родном селении человека. Вернувшись в съемную комнату, которую он делит с девятью другими пакистанскими иммигрантами, герой неожиданно для себя принимает решение вернуться на родину, однако финал рассказа остается открытым.

Душевное состояние центральных персонажей некоторых рассказов передается писателем при помощи внутреннего монолога, порой переходящего в поток сознания. Объективная реальность при этом отходит на второй план, становится

неопределенной, смутной, что особенно заметно в таких «психологических» рассказах, как «Другие дела» и «Белая песня в непроглядной ночи», которые следует отнести к произведениям модернистского направления.

В двух своих последующих сборниках — «Батрак» (*аль-Бидар*, 1987) и «На краю дня» (*Аля хафат ан-нахар*, 1992) — писатель представил целый ряд колоритных картин повседневного быта поселения Джумейра (ныне одного из фешенебельных районов Дубая), относящихся ко времени перехода эмиратцев от старого образа жизни к новому, «времени чудес» (заман 'аджа'иб), как называют его многие герои этих рассказов. Картины меняющегося быта Джумейры составляют фон, на котором изображаются индивидуальные человеческие судьбы, порой трагикомические, как в рассказах «Мотыга» и «Халяля-SEL», но чаще драматические или по меньшей мере вызывающие печаль, как в рассказах «Состояние заката», «Батрак», «Небылица», «Отставшая птица». Все эти судьбы в той или иной степени иллюстрируют болезненные процессы изменения характера общественно-экономических отношений, ломки традиционного менталитета, проходившие в Эмиратах в 1960–1970-х годах.

Халяля, герой рассказа «Халяля-SEL», всю жизнь занимавшийся извозом с помощью своего осла по прозвищу Мас'уд, которого он «любил как собственного сына и о котором заботился больше, чем позже о своей жене Хатун» [25, р. 96], оказался на грани нищеты, когда у эмиратцев стали появляться собственные автомобили. Вынужденный устроиться сторожем в школу, он не смог обходиться без компании своего осла, с которым раньше расставался лишь по ночам, и поэтому, впервые оседлав Мас'уда, стал ездить на нем на новую работу, заставляя прохожих и автомобилистов удивляться этой парочке, «пришедшей из прошлого мира» [25, р. 102]. Новым потрясением, еще больше изменившим жизнь Халяля, стало предложение одного из банков купить принадлежащую ему землю вместе с домом за огромные деньги, которых хватило бы на постройку роскошной виллы в другом районе, на покупку автомобиля и на другие жизненные расходы. Получив виллу и белый Мерседес 500-SEL, Халяля уже не смог найти занятия для Мас'уда, который стал просто бродячим животным, в то время как хозяин продолжал ездить в школу, теперь уже на собственном автомобиле, управляемом индийским иммигрантом. По утрам Халяля «спускался с верхнего этажа своего нового дома, окруженного живописной оградой, над которой возвышались деревья, украшенные яркими цветами, направлялся молча к своему автомобилю, брал сухую тряпку и, плеснув на автомобиль воды, начинал протирать кузов и стекла, чтобы потом они сияли под лучами солнца, как игрушка» [25, р. 108], точно так же, как раньше он это делал с Мас'удом. «Дни Халяля текли монотонно и тоскливо; он почти не чувствовал хода времени, он чувствовал лишь существование этих неожиданностей и странностей, небылиц, вещей, похожих на небылицы, — в этом новом мире, от которого Халяля уходил в молчание, в замешательство, в глубины сомнений, наполнявших его сознание» [25, р. 108]. Когда неподалеку от его дома было обнаружено тело мертвого осла, застрявшего в простенке строящегося здания, Халяля вспомнил слова одного из своих знакомых: «Время ослов прошло» [25, с. 110]. «Но лишь замешательство оставалось в глазах Халяля, сидевшего на своем стуле в молчании, подобном молчанию смерти, с покорностью мертвеца, засыпаемого могильной землей, или раненой птицы, попавшейся в ловушку ловкого охотника» [25, р. 110].

Трагична участь оманского иммигранта Муриша, героя рассказа «Батрак», в течение тридцати лет выполнявшего для жителей Джумейры работу по уходу за финиковыми пальмами и заботу скота. Будучи не в состоянии завести семью из-за бедности, Муриш жил в полном одиночестве. С наступлением нефтяной эпохи его труд стал никому не нужен, и он решил вернуться в Оман. Однако оманские власти не позволили ему пересечь границу, поскольку у него не было никаких документов. Получить новую работу в Эмиратах он также не мог из-за отсутствия у него эмиратского гражданства. В итоге нищета и одиночество заставили его покончить жизнь самоубийством.

Не менее трагична и судьба Гариба, героя рассказа «Отставшая птица», который в отрочестве рос без присмотра родителей, эмигрировавших с наступлением нефтяной эпохи в оманский оазис Эль-Бурейми. В молодости он пристрастился к одурманиванию себя парами бензина, появившегося в Джумейре вместе с автомобилями. Одиноким, никому не нужный, не получивший, в отличие от большинства своих сверстников, даже школьного образования, в двадцатилетнем возрасте он был уже неизлечимым токсикоманом и умер на борту судна, на котором периодически подрабатывал ловлей рыбы.

Образы Муриша в рассказе «Батрак» и Гариба в «Отставшей птице» были созданы писателем в новой для него манере, свойственной уже постмодернистскому типу литературы. Оба образа формируются из перемежающихся обрывочных, четко не локализованных во времени воспоминаний повествователя и других персонажей и потому размыты и вероятностны. В этом, очевидно, проявилось стремление писателя, с одной стороны, представить эти образы так, как они предстают в реальной «коллективной памяти», в которой отсутствует «всезнающий голос», но есть противоречивое многоголосие, а с другой — показать специфические особенности массового сознания, обусловленные укладом жизни и традиционной культурой эмиратцев тех лет. В наибольшей степени этот новый подход писателя проявился в рассказе «Небылица»: образ героя, обитателя Джумейры Мухаммеда Салеха, то ли сумасшедшего, то ли святого, то ли просто бедного человека со странностями, формируется из суждений самого разного типа — реалистических воспоминаний, детских страхов, сплетен, фантазий религиозного характера и небылиц фольклорного происхождения. Фольклорные истории, искусно вплетенные в канву повествования, базирующегося, по-видимому, на реальных детских воспоминаниях автора, типологически приближают это повествование к так называемому «магическому реализму», получившему распространение в арабской литературе с 1980-х годов (см., например: [22, с. 265–276]).

Характерным образцом магического реализма, по мнению некоторых критиков (см., например: [2, р. 213–214; 15, р. 58–59]), является другой рассказ писателя — «Мимолетное дуновение ветерка». Герой рассказа, бедняк с «говорящим» именем Нахиль ибн Раджиль аль-'Ари³, бродит вечером по городу, и принесенный дуновением ветерка запах мяса, которого Нахиль не ел уже много лет, заставляет его зайти в мясную лавку. Узнав цену мяса, которая за несколько лет выросла вчетверо, он понимает, что покупка мяса ему не по карману. Однако в своем воображении он уже видит себя, свою жену Масхуку и своих детей вкушающими различные мясные

³ Имена, из которых состоит полное имя персонажа, имеют следующие значения: Нахиль — «тощий», Раджиль — «пеший», аль-'Ари — «голый».

блюда. Будучи не в состоянии отвести взор от мяса, Нахиль машинально хватается за нож мясника, и тот, веселясь, отрезает ему сначала пальцы, а затем полностью разделяет его на куски, которые вывешивает потом в своей витрине. Голову и внутренности Нахили он выбрасывает в мусорный бак, из которого вскоре выползает таракан. Таракан заползает в канализационный люк, где ожидает наступления утра, чтобы снова выползти наружу. Однако рано утром муниципальные уборщики обдают его струей инсектицидов, и мертвым он стекает по канализации в море, где его проглатывает рыба. «Вот так рассказывали о Нахиле ибн Раджиле аль-‘Ари по прозвищу Абу-Джа’и’ аль-Матхун⁴, — завершает свое повествование автор, — который бродил однажды вечером, и на него повеял ветерок. Впрочем, никто не говорил, что Абу-Джа’и’ стал тараканом, а также никто ничего не сообщал о его жене Масхуке и их детях» [26, р. 34–35].

Помимо этой новой для Абд аль-Хамида Ахмеда манеры письма, в рассказах двух сборников он использовал и другие: реалистическую (в рассказах «Вещички Куйи» и «Арабские мостовые», посвященных тяжелой жизни иммигрантов в ОАЭ), модернистскую (поток сознания «отчужденной» личности в рассказах «Мусорный бак» и «Эхо», аллегорический сюрреализм в рассказе «Соблазн»). Отдельно стоит отметить вариативность языкового стиля писателя — то крайне лаконичного, почти «телеграфного», то свободного от дискретности, передающего неразрывное течение мысли, но в обоих случаях чрезвычайно образного, расцвеченного яркими сравнениями и метафорами.

С начала 1980-х годов усложненный язык повествования, насыщенный собственными арабской поэзии сравнениями и метафорами, витиеватыми лексико-синтаксическими конструкциями, становится едва ли не основной чертой авторской манеры многих арабских, в том числе аравийских, писателей. Специфический стиль, зародившийся еще в творчестве египетских прозаиков-модернистов 1960-х годов (см.: [21, с. 165]), сочетающий модернистскую эстетику с «поэтизацией» языка повествования, становится особенно популярным среди авторов-женщин (см., например: [22, с. 253–257]). Вот какую характеристику дает этому стилю Г. Рамсай: «Писатели-модернисты из стран Персидского залива, использующие этот стиль, будто стремятся возродить представление, традиционно занимавшее центральное место в арабской литературе и заключавшееся в том, что вопрос “Как писать?” является более важным, чем вопрос “О чем писать?” <...> Другими словами, опираясь на одно из традиционных положений арабской литературы — приоритетное значение формы по сравнению с содержанием, включая и языковое оформление, — они одновременно отдают должное и реализму, явлению, заимствованному из литературы Запада. Так же, как и в случае восприятия поэзии, такой стиль требует активного взаимодействия между читателем и текстом в процессе выстраивания смысла этого текста <...> Более того, в произведениях этих писателей соблюдаются и такие принципы модернизма, как усложненность формы и освобождение повествования от заданных рамок сюжета» [4, р. 374]. И далее: «Примечательной особенностью их произведений является поэтический стиль, в котором они используют богатый словарь и риторические приемы арабского литературного языка <...> Их художественная проза отличается чертами, присущими лирике, такими как риторические

⁴ Это прозвище также говорящее: Абу-Джа’и’ означает «отец голодного», аль-Матхун — «перемолотый».

украшения, метафоры и другие фигуры речи, иносказательный язык, двусмысленность и многозначность, косвенные указания и намеки на то или иное» [4, p. 382]. «Языковой стиль такого повествования требует от читателя скрупулезного сбора, сведения воедино и интерпретации фрагментарной и метафорической информации относительно персонажей и самого сюжета с тем, чтобы можно было понять смысл текста» [4, p. 388].

Литература

1. Ramsay G. Confining the guest-laborers to the realm of the subaltern in modern literature from the Persian Gulf // *Orientalia Suecana*. Vol. LIII. Uppsala: Uppsala University, 2004. P. 133–142.
2. Ramsay G. Global heroes and local characters in short stories from the United Arab Emirates and the Sultanate of Oman // *Middle Eastern literatures*. 2006. Vol. 9, N 2. P. 211–216.
3. Ramsay G. Globalisation and cross-cultural writing in the United Arab Emirates and Oman // *Literary History: Towards a Global Perspective*. Vol. 4: Literary Interactions in the Modern World. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006. P. 241–277.
4. Ramsay G. Styles of expression in women's literature in the Gulf // *Orientalia Suecana*. Vol. LI–LII (2002–2003). Uppsala: Uppsala University, 2003. P. 371–390.
5. Ramsay G. The past and the present: Aspects of intertextuality in modern literature in the Gulf // *Intertextuality in modern Arabic literature since 1967*. Durham: Durham University, 2006. P. 161–186.
6. Michalak-Pikulska B. *Modern Literature of the United Arab Emirates*. Kraków: Jagiellonian University Press, 2012. 187 p.
7. Суворов М. Н. «Большая» проза ОАЭ в 1990-е годы: черты полистадиальности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика»*. 2013. № 3. С. 57–64.
8. Суворов М. Н. «Большая» проза ОАЭ на этапе становления (70–80-е годы XX века) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2014. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. Вып. 1. С. 94–104.
9. BANIPAL. *Magazine of Modern Arab Literature*. 2001. № 42.
10. *Al Murr Mohammad*. Dubai tales. London: Forest books, 1991. 176 p.
11. *Al Murr Mohammad*. The wink of Mona Lisa and other short stories from the Gulf. London: Motivate Publishing, 1994. 199 p.
12. In a fertile desert: modern writing from the United Arab Emirates. Cairo: American University in Cairo Press, 2009. 123 p.
13. 'Abd al-Malik Badr. Al-Qiṣṣa al-qaṣīra wa-l-ṣawt al-nisā'i fī dawlat al-Imārāt al-'arabiyya al-muttaḥida [Рассказ и женский голос в ОАЭ]. Sharjah: Manshūrāt Ittīhād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1995. 282 p.
14. *Malkāwī Thābit*. Al-Riwāya wa-l-qiṣṣa al-qaṣīra fī al-Imārāt: nash' a wa-taṭawwūr [Роман и рассказ ОАЭ: возникновение и развитие]. Abu Dhabi: al-Majma' al-ṭhaqāfi, n. d. 176 p.
15. *Abū-Shu'ayr al-Rashīd*. Madkhal ilā al-qiṣṣa al-qaṣīra al-imārātiyya: dirāsa [Введение в исследование эмиратского рассказа]. Sharjah: Ittīhād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1998. 184 p.
16. *Ṣabri 'Abd al-Fattāh*. Al-Qiṣṣa al-qaṣīra fī al-Imārāt: al-aṣwāt al-jadīda [Эмиратские рассказы: новые голоса]. Sharjah: Dā'irat al-ṭhaqāfa wa-l-i'lām, Hukūmat al-Shāriqa, 2006. 175 p.
17. *Rāshid 'Alī Muḥammad*. Al-Qiṣṣa wa-l-riwāya wa-adab al-aṭfāl fī dawlat al-Imārāt al-'arabiyya al-muttaḥida: madkhal tawḥīqī [Рассказ, роман и детская литература в ОАЭ: документальное введение]. Khaimah: Markaz al-dirāsāt wa al-waṭḥā'iq, 2009. 272 p.
18. *'Ubayd Aḥmad Muḥammad*. Mu'jam udabā' dawlat al-Imārāt [Справочник литераторов ОАЭ]. Abu Dhabi, 2012. 155 p.
19. *Al-Nākhī Shaykha Mubārak*. Al-Raḥīl [Отъезд]. Sharjah: Manshūrāt Ittīhād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1992. 83 p.
20. *Al-Nākhī Shaykha Mubārak*. Riyāh shimāl [Северные ветры]. Sharjah: Manshūrāt Ittīhād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1999. 94 p.
21. Курпиченко В. Н., Сафронов В. В. *История египетской литературы XIX–XX веков*. М.: Вост. лит., 2003. Т. 2. 270 с.

22. Суворов М. Н. Художественная проза Йемена (1940 — середина 2000-х годов). СПб.: Студия «НП-Принт», 2010. 359 с.
23. *Al-Sajwānī ‘Abd al-Riḍā. Dhalika-z-zamān* [Те времена]. Abu Dhabi: Mu’assasat Abū Ḥabī li-l-ṭibā’a wa-l-nashr, 1978. 87 p.
24. *Al-Murr Muhammad. Al-a‘ māl al-qīṣāṣiyya. Al-Juz’ al-ṭhānī* [Краткие рассказы. Т. 2]. Beirut: Dār al-‘awda, 1992. 402 p.
25. *Aḥmad ‘Abd al-Ḥamīd. Al-Bidār* [Барпак]. Beirut: Dār al-kalima li-l-nashr, 1987. 126 p.
26. *Aḥmad ‘Abd al-Ḥamīd. ‘Alā ḥāfat al-nahār* [На краю дня]. Sharjah: Manshūrāt Ittiḥād kuttāb wa-udabā’ al-Imārāt, 1992. 96 p.

Статья поступила в редакцию 26.09.2017 г.,
рекомендована к печати 27.02.2018 г.

Контактная информация:

Суворов Михаил Николаевич — д-р филол. наук; soumike@mail.ru

The first generation of short-story writers in the UAE (1970–90s). Part 1

M. N. Suvorov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Suvorov M. N. The first generation of short-story writers in the UAE (1970–90s). Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2018, vol. 10, issue 2, pp. 230–245. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2018.207>

The United Arab Emirates are one of those Arabic countries where national literature of modern type — which replaced Arabic medieval *adab* — came into existence as late as in the 1970s. Nevertheless, among the earliest Emirati short-stories, most of which were based on the principles of moralizing sentimentalism and romanticism, one could find samples of mature realism (in Muḥammad al-Murr’s writings) and even of modernism (in Abdullah al-Mirri’s writings). In the 1980s along with the steady development of the realistic trend in Emirati fiction, many writers turned to the aesthetics of modernism by abandoning in their works the idea of objective reality, as well as clear plots, and concentrating instead on “internal” states of the mind, in which the objective reality is odd, subjectively transformed. Moreover, some writers (Miryam Jum‘a Faraj, Su‘ād al-‘Arīmī, Ḥārib al-Zāhirī, Salmā Maṭar Ṣayf) used a complicated language of narration, full of similes and metaphors typical for Arabic poetry, as well as ornate lexical-syntactical constructions, reproducing thus a specific style, which was named by scholars of Arabic literature “poetic modernism”. Besides, in some Emirati short-stories of that time, one can find features of magic realism (in ‘Abd al-Ḥamīd Aḥmad ‘Abd al-Ḥamīd’s and Salmā Maṭar Ṣayf’s works), absurdism (in Ḥamīd al-Ḥamīd’s works) and post-modernist parody (in Salmā Maṭar Ṣayf’s works). The themes of Emirati short-stories embrace Emirati local realities and problems, as well as general human and philosophic subjects (in particular, in Bāsima Yūnis’s and Jum‘a al-Fayrūz’s writings).

Keywords: the United Arab Emirates, Arabic literature, Arabic prose.

References

1. Ramsay G. Confining the guest-laborers to the realm of the subaltern in modern literature from the Persian Gulf. *Orientalia Suecana*, vol. LIII. Uppsala, Uppsala University, 2004, pp. 133–142.

2. Ramsay G. Global heroes and local characters in short stories from the United Arab Emirates and the Sultanate of Oman. *Middle Eastern literatures*, 2006, vol. 9, no. 2, pp. 211–216.
3. Ramsay G. Globalisation and cross-cultural writing in the United Arab Emirates and Oman. *Literary History: Towards a Global Perspective: Volume 4: Literary Interactions in the Modern World*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2006, pp. 241–277.
4. Ramsay G. Styles of expression in women's literature in the Gulf. *Orientalia Suecana*, vol. LI–LII (2002–2003). Uppsala, Uppsala University, 2003, pp. 371–390.
5. Ramsay G. The past and the present: Aspects of intertextuality in modern literature in the Gulf. *Intertextuality in modern Arabic literature since 1967*. Durham, Durham University, 2006, pp. 161–186.
6. Michalak-Pikulska B. *Modern Literature of the United Arab Emirates*. Kraków, Jagiellonian University Press, 2012. 187 p.
7. Suvorov M. N. "Bolshaia" proza OAE v 1990-e gody: cherty polistadialnosti [Emirati novel in the 1990s: Features of polystadiality]. *Vestnik RUDN. Seriya "Literaturovedenie, jurnalistika"*, 2013, no. 3, pp. 57–64. (In Russian)
8. Suvorov M. N. "Bolshaia" proza OAE na etape stanovleniia (70–80-e gg. XX veka) [Formation of Emirati novel (1970–80s)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian and African Studies*. 2014, iss. 1, pp. 94–104. (In Russian)
9. *BANIPAL. Magazine of Modern Arab Literature*, 2001, no. 42.
10. Al Murr Mohammad. *Dubai tales*. London, Forest books, 1991. 176 p.
11. Al Murr Mohammad. *The wink of Mona Lisa and other short stories from the Gulf*. London, Motivate Publishing, 1994. 199 p.
12. *In a fertile desert: modern writing from the United Arab Emirates*. Cairo, American University in Cairo Press, 2009. 123 p.
13. 'Abd al-Malik Badr. *Al-Qiṣṣa al-qaṣīra wa-l-sawt al-nisā'ī fi dawlat al-Imārāt al-'arabiyya al-muttaḥida* [Short story and women's voice in the UAE]. Sharjah, Manshūrāt Ittihād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1995. 282 p. (In Arabic)
14. Malkāwī Thābit. *Al-Riwāya wa-l-qiṣṣa al-qaṣīra fi al-Imārāt: nash' a wa-taṭawwur* [Novel and short story in the UAE: birth and development]. Abu Dhabi, al-Majma' al-thaqāfī, n. d. 176 p. (In Arabic)
15. Abū-Shu'ayr al-Rashīd. *Madkhal ilā al-qiṣṣa al-qaṣīra al-imārātiyya: dirāsa* [Introduction to the study of Emirati short story]. Sharjah, Ittihād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1998. 184 p. (In Arabic)
16. Šabrī 'Abd al-Fattāh. *Al-Qiṣṣa al-qaṣīra fi al-Imārāt: al-aṣwāt al-jadīda* [Short story in the UAE: new voices]. Sharjah, Dā'irat al-thaqāfa wa-l-i'lām, Hukūmat al-Shāriqa, 2006. 175 p. (In Arabic)
17. Rāshīd 'Alī Muḥammad. *Al-Qiṣṣa wa-l-riwāya wa-adab al-aṭfāl fi dawlat al-Imārāt al-'arabiyya al-muttaḥida: madkhal tawḥīqī* [Short story, novel and literature for children in the UAE: a documentary introduction]. Khaimah, Markaz al-dirāsāt wa-al-waḥā'iq, 2009. 272 p. (In Arabic)
18. 'Ubayd Aḥmad Muḥammad. *Mu'jam udabā' dawlat al-Imārāt* [Emirati writers guide]. Abu Dhabi, 2012. 155 p. (In Arabic)
19. Al-Nākhī Shaykha Mubārak. *Al-Raḥīl* [Departure]. Sharjah, Manshūrāt Ittihād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1992. 83 p. (In Arabic)
20. Al-Nākhī Shaykha Mubārak. *Riyāḥ shimāl* [Winds from the North]. Sharjah, Manshūrāt Ittihād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1999. 94 p. (In Arabic)
21. Kirpichenko V. N., Safronov V. V. *Istoriia egipetskoj literatury XIX–XX vekov* [History of Egyptian literature in the 19th — 20th centuries]. T. 2. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 2003. 270 p. (In Russian)
22. Suvorov M. N. *Hudozhestvennaia proza Yemena (1940 — seredina 2000-kh godov)* [Yemeni fiction prose (1940 — mid. 2000s)]. St. Petersburg, Studia "NP-Print", 2010. 359 p. (In Russian)
23. Al-Sajwānī 'Abd al-Riḍā. *Dhālika-z-zamān* [Those times]. Abu Dhabi, Mu'assasat Abū Zabī li-l-ṭibā'a wa-l-nashr, 1978. 87 p. (In Arabic)
24. Al-Murr Muhammad. *Al-a'māl al-qiṣāsiyya. Al-Juz' al-thānī*. [Short stories. Vol. 2]. Beirut, Dār al-'awda, 1992. 402 p. (In Arabic)
25. Aḥmad 'Abd al-Ḥamīd. *Al-Bīdār*. [Farm-hand]. Beirut, Dār al-kalima li-l-nashr, 1987. 126 p. (In Arabic)
26. Aḥmad 'Abd al-Ḥamīd. *Alā ḥāfat al-nahār* [On the edge of daytime]. Sharjah, Manshūrāt Ittihād kuttāb wa-udabā' al-Imārāt, 1992. 96 p. (In Arabic)

Author's information:

Mikhail N. Suvorov — Dr. Sci. (Philology); soumike@mail.ru